

Татьяна КАРАВАЙЦЕВА

Татьяна Михайловна Каравайцева родилась и живёт в селе Ратчино Шарлыкского района Оренбургской области. Окончила местную сельскую школу и заочно Оренбургский государственный педагогический институт. Более 30 лет заведовала Ратчинской сельской библиотекой. Ныне на пенсии.

ТЕОРЕТИК С УЛИЦЫ САМОДУРОВКИ

Когда мы говорим о творчестве какого-либо поэта, прозаика, художника, любого талантливого человека вообще, следует прежде всего обратиться к его корням для того, чтобы понять, откуда и как появился этот талант. Ведь не мог же он возникнуть просто так, ниоткуда, на пустом месте. Так не бывает.

Малой родиной для Петра Краснова является село Ратчино, что в Шарлыкском районе. Это обыкновенное старинное русское село. Ему более двухсот лет со дня образования. Когда-то (в конце XIX века) оно считалось очень крупным, число его жителей составляло более трёх с половиной тысяч. Но ряд исторических событий страны: Русско-японская война, Первая мировая война, голодные годы, революция, Великая Отечественная война — сильно сократили количество жителей. К 60-м годам XX века в селе проживало чуть более 1500 человек. Это уже был не такой крупный

населённый пункт, но по сравнению с другими сёлами района он сохранил свой статус большого села.

В селе Ратчино было четыре школы. Основная, десятилетка, располагалась в центре села, а три другие, начальные — на отдалённых улицах. На одной из таких отдалённых улиц (она называлась Самодуровка, в 1970-е годы произошло переименование всех улиц села, и теперь она значилась как Крестьянская) и жил Пётр Краснов со своими родителями Николаем Семёновичем и Анной Ивановной. На Крестьянской (Самодуровке) также находилась начальная школа. Вот в неё-то и пошёл маленький Петя. В первый класс набралось 11 человек, а учительницу звали Валентина Ивановна Рябова. Петя успешно его закончил, дальше начинались летние школьные каникулы. По прошествии некоторого времени он неожиданно заболел. И болезнь эта связана вот с каким эпизодом его жизни.

Вспоминает его одноклассница В.В.Сарычева: «Петя не был хулиганистым мальчиком, но малые шалости и за ним водились. Однажды он и его друзья-товарищи с улицы, на которой они все проживали, решили залезть в сад за яблоками к одному из жителей села. Петю определили в качестве часового, чтобы тот смог предупредить их об опасности, если таковая случится. Остальные ребята забрались непосредственно в сад. Но то ли хозяйка услышала в саду шорохи, то ли вышла случайно из дома по какой-то надобности, одним словом, она обнаружила ворюшек и погналась за ними. Ребята убежали, а Петя замешкался и оказался в руках хозяйки сада. Она его сильно побила. Говорят, он с тех пор стал жаловаться на боли в ногах. А вскоре Петя смог передвигаться только на костылях. Впрочем, существует и другая версия, из которой следует, что ноги у Пети заболели по другой причине и с вылазкой в сад за яблоками это никак не связано». Так оно было или иначе, не столь уж важно. Главное состояло в том, что у Пети действительно стали отказывать ноги и передвигаться он мог только на костылях. Лечение в местной больнице не принесло явного облегчения, и его направили в санаторий города Бузулука. В санатории Пётр находился три года. Там же, в Бузулуке, он прошёл школьную программу за второй, третий и четвёртый классы. Так как он ограничен был в

передвижении, то пристрастился к чтению. И эта страсть уже сохранилась у него на всю последующую жизнь и, возможно, сыграла свою роль в том, что он стал писателем. Лечение в санатории помогло отчасти, но ещё какое-то время Пётр передвигался на костылях, используя их не так часто. По возвращении же он поступил в пятый класс, теперь уж в основную школу села Ратчино. А вскоре восстановился полностью, и пошло у Пети Краснова обычное ребячье детство: играли в разные игры, просто бегали, ходили в кино.

Вот что вспоминает о том времени его одноклассник и заводила детских игр П.В. Жабин: «Нас, детей, в 50-60-е годы было много и на Самодуровке тоже. Детство проходило весело, озорно, с шутками, играми. Летом все мальчишки с улицы делились на две футбольные команды: «Спартак» и «Динамо». В зимнее время нечто похожее происходило уже на льду реки Дёма, меняя кожаный мяч на шайбу с клюшкой и коньками. В то время всё это достать было невозможно, и поэтому шайбу изготавливали сами. Брели трёхкилограммовую банку с сильно загустевшей краской и били клюшкой по банке до тех пор, пока она не сплющится. Это делали для того, чтобы шайба во время игры не взлетала и не смогла нанести кому-нибудь травму. Клюшки же делали тоже сами, находя более подходящие в кустах ветлы. Затем, когда река Дёма погрузалась

в глубокие снега, баталии переходили на улицу. Здесь происходили «битвы на шпагах». В те времена многие строились, и построенные за лето срубы домов стояли посередине улицы. Это для нас были своего рода «замки». Мы делились на две группы и нападали друг на друга, нанося уколы шпагой, изготовленной из ветки ветлы, строго одинаковой длины и толщины. Когда же и это надоедало, шли на рыбалку. Интересный, на мой взгляд, случай произошёл с нашим будущим писателем. Однажды только что начинающий рыбак Петя Краснов пошёл на речку порыбачить. К тому времени у него уже сильно болели ноги, и он ходил на костылях. Удочки помогал ему нести его соседский мальчик Пётр Кобзарь. И надо же такому случиться: при забрасывании лески в реку крючок зацепился за голову Петра, причём глубоко. И вот представьте процессию: идёт по улице мальчик на костылях, а за ним другой несёт удочку, опасаясь лишней раз неосторожно её дёрнуть и причинить боль впереди идущему. Николай Семёнович (отец Петра) разрезал бритвой кожу на голове Петра и освободил крючок».

Ну а каким же он был школьником? Спрашиваю одну из его одноклассниц, вышеупомянутую Валентину Васильевну Сарычеву:

— Пётр Краснов чем-либо отличался от других учеников класса?

— Да, отличался, — ответила она.

— Чем же?

— Он выделялся своей скромностью, а ещё начитанностью. У него было прозвище Теоретик.

— А с чем это связано? Как он его получил?

— Во-первых, он умел выражать свои мысли так, как никто из нас этого делать не мог. Он лучше всех писал сочинения. А при устных ответах на уроках, когда его спрашивали, он отвечал чаще не по учебнику, а использовал те знания, которые получал из прочитанных книг. А читал он очень и очень много, на разные темы. Учителям такие ответы не по учебнику нравились, а мы иногда даже возмущались: «Надо же, наговорит неведомо что и получает четыре и пять, а мы зубрим-зубрим заданный урок, а оценка ниже». И однажды, после очередного такого ответа Петра, один из его одноклассников произнёс: «Ну, ты, Петро, даёшь... Ну ты и теоретик». Так это прозвище приклеилось к нему намертво. И все пять лет — с пятого по десятый класс — Пётр Краснов так и прожил с ним.

А вот что вспоминает о Петре Николаевиче двоюродная сестра Краснова Анна Яковлевна: «Не скажу, что Пётр в детстве, да и в подростковом возрасте был хулиганистым задирой. Вот друг его закадычный, двоюродный брат Пётр Жабин намного шустрее и отчаянней в детстве-то был. А Петя нет. И как они ладили-то, такие разные? Петя не пай-мальчик, конечно, по мелочам-то и у него случалось

всякое. Но какое-то безобидное. Говорю так не потому, что он мой родственник, а потому, что вспомнить-то худое о нём и не могу, а что же напраслину-то наговаривать на человека. Родители его были трудягами. Петя видел их каждодневную жизнь крестьянскую, жизнь нелёгкую, и сам в неё впрягался с детства: и воду для дома из колодца носил, и пас скотину, когда им очередь подходила, и сено косить да сгребать во время сенокоса приходилось. Опять же огород полить-прополоть его да сестры дело было. Взрослым, когда уже учился в Оренбурге, да и после, когда уж писателем-то стал, не чурался никакой работы никогда. Очень Пётр Николаевич любил Ратчино, а более всего — свою Самодуровку. Говорил, бывало: «Хорошее у нас село, хорошее, а лучшее в нём — Самодуровка». Запахом печного дыма не мог насладиться. «Где же ещё такой-то? Его же как аромат использовать можно», — говаривал Пётр Николаевич. В Москве-то вроде хорошо устроился, но не смог там жить. Суэта — это не для него. Поменял Подмосковьё на более тихий Оренбург. Приедет, бывало, — вспоминает далее Анна Яковлевна, — домой-то, в Ратчино, и обязательно и на речку сходит, и на Красную гору, и по огородам-то пройдётся. Рыбалку очень любил. Может, потому, что природа его привлекала: полноводная речка, а за нею-то горы рядышком. Придёт, бывало, с речки, с рыбалки, а то

с прогулки-то — и такой уж он довольный, такой довольный. Геннадия Хомутова привозил в Ратчино и водил его по красотам ратчинским.

Некоторые наши селяне поначалу-то смеялись над ним: «Писатель! Нашёл о чём писать: как кизяк делать, как скот пасти». А мне нравится, когда читаю его рассказы-то о кизяке, например. Читаю и думаю: всё так, всё так, касатик. Ничего не наврал, не придумал. Тяжёл труд. Ох, тяжёл, да где же он у нас в селе лёгкий труд-то, а без него, без труда, как прожить-то?»

Верно говорит Анна Яковлевна о любви Краснова к родному селу. При всяком удобном случае стремился Пётр Николаевич в Ратчино, не говоря уж о каких-то крупных сельских праздниках, на которые он приглашался в качестве почётного гостя. Вспоминается, к примеру, 2009 год, когда праздновалось 200-летие со дня образования села Ратчино. Масштабным тогда получилось мероприятие. Огромная выставка мастеровых людей села раскинулась в просторном танцевальном зале ДК. Чего тут только не было: и красочные вышивки, и резные деревянные поделки разной конфигурации и назначения, и макраме, и шерстяные катанки, кружевные изящные вещи. Специально подготовленный стол ломился от кулинарных шедевров, и многое-многое другое. На площади ДК перед собравшимися зримо прошли исторические картины

образования и развития нашего села: от телеги с первыми поселенцами села Ратчино до современной техники, работающей на его полях, и современных автомобилей его жителей. Гвоздём праздника явилась прямая связь с селом Ратчино Рязанской области, переселенцы которого и образовали нынешнее Ратчино в Оренбургской области.

Пётр Краснов как уроженец села, как его почётный гость, конечно же, был на этом празднике и в предоставленном слове отметил славную историю села. Он так же, как и все мы, ратчинцы, по праву гордился именами Героев Советского Союза, вышедших из нашего села: Петром Васильевичем Колпаковым и Александром Ивановичем Суворовым, а также героическим разведчиком Тимофеем Михайловичем Трофимовым, участником Парада Победы в Москве 1945 года.

Довольно часто при посещении родного села Пётр Николаевич приходил в школу, встречался с учениками, с педагогическим коллективом. Я как сельский библиотекарь непременно принимала в них участие, и всякий раз меня поражала его удивительная скромность. Ведь столько у него почётных регалий, столько литературных наград, его произведения переведены на многие языки мира — тут можно, казалось бы, и возгордиться. Ничего подобного никогда не замечалось. Ни тени зазнайства, ни тени заносчивости, гордыни. Обычный, простой в общении

человек. И это говорит о высоких человеческих качествах Петра Николаевича. Вероятно, какие-то слабости были и у него, но они не бросались в глаза. Потрясала же и привлекала какая-то его «настоящность», что ли, отсутствие показухи, фальши.

Чётко запечатлелась одна из последних встреч с Петром Николаевичем. Это было в 2020 году, в год его 70-летия. Встреча проходила в краеведческом музее нашей школы. Её аудиторию составляли немногочисленные учащиеся нашего села и учащиеся села Дубровки, приехавшие на эту встречу. Краснов рассказывал о себе: над чем он работает, как и из чего складывается его рабочий день; делился своими мыслями о том, что происходит в стране, что его волнует, о чём болит душа. И много, очень много задавали вопросов учащиеся, да и взрослые из числа педагогов и приглашённых. Двоюродный брат Петра Николаевича, П.В. Жабин, от всех присутствующих в знак юбилейной встречи преподнёс Петру Николаевичу картину.

Краснов писал о том, что более всего хорошо знал. А хорошо знал более всего село, людей села. И герои его рассказов — обычные сельские: пастухи, скотники, доярки, трактористы, учителя, библиотекари, взрослые, дети, пенсионеры. Прототипами героев рассказов становились реально жившие люди нашего села, но выведенные под другими именами. А бывало, что

прототипы перенесены в произведение даже без изменения, то есть и в жизни, и в рассказах у Петра Краснова прослеживаются одни и те же лица.

Возьмём его рассказ «Что ещё хочешь почитать». Екатерина Ефимовна — так зовут школьного библиотекаря в рассказе Петра Краснова. И на самом деле в школе села Ратчино была такая библиотекарь, звали её на самом деле Екатерина Ефимовна. Это была милейшая женщина. В молодости она сильно простудила ноги, это дало осложнение на уши, и она плоховато слышала. По сему поводу Екатерина Ефимовна комплексовала, конечно.

Школьная библиотека представляла собой пять-шесть больших закрытых шкафов, отгороженных невысоким барьерчиком, в одной из комнат школы. В другой части этой же комнаты располагался пионерский уголок с соответствующими атрибутами. Комната была проходной (далее шла учительская), и было в ней почему-то всегда холодно. Ученик Пётр Краснов был завсегдаем этой библиотеки. Его, в виде исключения, Екатерина Ефимовна допускала к шкафам с книгами, чего не позволялось другим читателям-детям, им она выбирала книги сама. Краснов же делал самостоятельный выбор. Не мог он забыть своего школьного библиотекаря, душевную теплоту и доброту Екатерины Ефимовны. Именно Екатерина Ефимовна смогла оценить его тягу к книге, потому именно ей

он и посвятил свой рассказ «Что ещё хочешь почитать».

В рассказе «Буран» есть персонажи с фамилиями Саньков и Теренин. Они тоже перенесены Петром Красновым из реальной жизни в произведение. В селе Ратчино до сих пор живут люди с такими прозвищами. Да, это уличные прозвища конкретных людей, это нормально для села. Когда в нём много однофамильцев, непонятно, о ком идёт речь, если называть жителя по фамилии. Уличное прозвище как бы уточняет, о ком конкретно идёт речь: Красновы-Саньковы, Красновы-Черепушины, Быковы-Теренины, Марышевы-Царьковы и т. д. Никто на эти уличные прозвища не обижается, все принимают как данность, как житейскую необходимость. И лишь селяне с редкими, неповторяющимися фамилиями не имеют уличных прозвищ (Кобзарь, Жабины, Дегтярёвы, Мячины).

В рассказе «Мост» мы видим персонажи из числа реально живших людей села Ратчино: Дуня-забота, Анна-читака. И в рассказе «На Алёшкином хуторе» опять же герой с ратчинской фамилией Колпаков. Краснов использует некоторые реальные события, происходившие в селе: расстрел бродячих собак (рассказ «Шатохи»), убийство кулаками молодого тракториста (рассказ «Сашкино поле»).

Реальную основу имеет и его шедевр — рассказ «Мост». Действительно есть в нашем селе мост, о котором пишет Пётр

Краснов в одноимённом рассказе, он соединяет берега речки Заповеди (в рассказе это река Ленивка). Заповедь — крошечная речушка, мелководная, воробью по колено, но берега довольно глубокие, обрывистые. И действительно через реку Заповедь был построен мост, и действительно на нём очень часто происходили разного рода аварии. Рельеф местности этому способствовал: дорога (федерального назначения) тянется довольно ровной лентой и вдруг неожиданно резко уходит вниз. Водитель, естественно, не ожидает такого сюрприза и не успевает вовремя сбросить скорость, делает это, но уже с опозданием, и в результате зачастую летит мимо перил злополучного моста, расположившегося в самом низу. И действительно несколько женщин нашего села ходили святить этот мост — во главе с Дуней-заботой и Анной-читакой. Помогли

ли молитвы старушек, или, проехав удачно раз, водитель запомнил опасный участок пути и уже заранее притормаживал, но аварий после этого стало заметно меньше.

Вот такой классик из сельской глубинки жил на земле: простой, скромный. Жил, творил-писал, как жил, как чувствовал. Произведения Петра Краснова читать непросто, в них нет закрученных сюжетов. Чтобы понять его рассказы, дойти до сути, нужно погрузиться полностью, что называется, умом и сердцем, и только тогда поймёшь всю их глубину и оценишь мастерство прозаика.

Краснов — гордость Оренбуржья, и Шарлыкского района, и, конечно же, нашего села Ратчино. Мы горды, что именно наша земля родила такой талант. И нет в нашем селе человека, который бы не знал, кто такой Пётр Краснов, и не гордился его именем.

Пётр Краснов (стоит 1-й слева) с роднёй в Ратчино, 2010 год